

вобраз Карчмара). Удала выписаны вобразы манаха, суддзі, кемлівага селяніна Паўліка. Як і ў папярэдне згаданым творы, прасочваецца сувязь з «Пінскай шляхтай» В. Дуніна-Марцінкевіча, тут варта прыгадаць сцэну суда і некаторыя выказванні Суддзі: «Улажэнне, прылажэнне, гербавая бумага і пячатка на месцы. Законы ведаю, як поп малітву <...>. Апеляцыі не прымаю» [5, с. 292]; «Закон як дышаль: куды павярнуў, туды і выйшаў. Заплаціце пошліну 5, прыгонных 5 і на канцэлярыю 5 – на кантроль тэрміновага прысутства» [5, с. 293]. У творы скарыстаны прыём самахарактарыстыкі персанажаў праз песню («Я – суддзя! Невінаваты, // калі дуж ты і багаты. // У каго кішэнь паўней, // для таго і суд спраўней!» [5, с. 292]) і іранічныя характарыстыкі («Спі спакойна, пакуль ты на зямлі, ён [Бог] не рызыкне спусціцца ўніз» [5, с. 297]), арганічна спалучаны жартаўлівыя параўнанні, антытэзы (на сцвярджэнне, што мужыку ў пекле горш, чым пану, адказваюць, што «пан спакойна сядзіць у катле і кіпіць, а мужык мусіць дровы секчы і пад кацёл падкладваць» [5, с. 292] ці «Тут недалёка жыве хворая пані, але, дзякуй Богу, у мяне яшчэ ніводная свіння ад гэтага не памерла. Жывіце і не турбуйцеся, я за сваіх свінак спакойная» [5, с. 276]), саркастычныя параўнанні (калі Тэкля аддае суддзі пачастунак-хабар: «Бярыце, адзеткам я скажу, што свіння ўсё паела» [5, с. 291]), камічныя выказванні («Пазнаёмся, дачушка, – святы айцец, па іхням... бан... бандыт» [5, с. 276]), гумарыстычныя прызнанні ў каханні («Люблю, як салавей лета, як сонейка неба, як карчмар грошы, як манах Бога, як жаба балота» [5, с. 272]), арыгінальныя праклёны («Каб у цябе было 60 дамоў, а у іх па 60 кватэр. Каб у кожнай кватэры было па 60 ложкаў, і каб цябе 60 разоў ліхаманка кідала з аднаго ложка на другі» [5, с. 290]) і замовы.

Выкарыстоўваючы вопыт папярэдняга, Г. Марчук звяртае асаблівую ўвагу на мову сваіх персанажаў, дзякуючы чаму стварае жывыя і каларытныя вобразы (Карчмар, Тушканчыкаў, суддзя, манах). У маўленне герояў п'ес арганічна ўплятаюцца фразеалагізмы і дыялектызмы, прыказкі і прымаўкі, жарты і песні. Прысутнічаюць саркастычныя параўнанні, іранічныя характарыстыкі і тонкі народны гумар, а ўменне пісьменніка ствараць камічныя сітуацыі прадвызначыла папулярнасць яго камедыі.

Літаратура

1. Васючэнка, П. Сучасная беларуская драматургія : дапамож. для настаўнікаў / П. Васючэнка. – Мінск : Маст. літ., 2000. – 158 с.
2. Дашкевіч, Г. М. Арыгінальнасць спасціжэння сэнсу жыцця ў «Давыд-гарадоцкіх канонах» Георгія Марчука / Г. М. Дашкевіч // Сб. навуковых статей / Гомел. гос. ун-т ім. Ф. Скарыны. – Гомель, 2013. – Вып. 8 : Хрысціянскі гуманізм і яго традыцыі ў славянскай культуры. – С. 14–16.
3. Дашкевіч, Г. М. Мастацкія пошукі Георгія Марчука / Г. М. Дашкевіч // Вобразна-эстэтычны аспект нацыянальнай мастацкай свядомасці : зб. навуковых артыкулаў выкладчыкаў кафедры бел. літ. / Мазырскі дзярж. пед. ун-т імя І. П. Шамякіна. – Мазыр, 2004. – Вып. 1. – С. 3–11.
4. Іскрык, У. Палескі вадзівіль / У. Іскрык // Літаратура і мастацтва. – 1974. – 12 ліп. – С. 12.
5. Марчук, Г. Вясёлыя, бедныя, багатыя : камедыі / Г. Марчук. – Мінск : БелПГК, 1998. – 367 с.
6. Усікаў, Я. Беларуская камедыя / Я. Усікаў. – Мінск : Вышэйшая школа, 1973. – 192 с.

Р. М. Ковалева (Беларусь)

БЕЛУРУССКАЯ ФАЛЬКЛОРИСТИКА В СОВРЕМЕННОМ НАУЧНОМ И ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Белорусскому «прыгожаму пісьменству» в полной мере соответствует белорусское «прыгожае маўленне» – устное народное творчество, эстетический

речевой эталон в годы полонизации и русификации. Свою историческую миссию оно продолжает выполнять в условиях доминирования второго государственного языка в школьном и вузовском образовании. На основе анализа белорусского фольклора авторитетные слависты засвидетельствовали его богатство, активное бытование, хорошую сохранность древних элементов как важный источник при решении задач генетического плана.

«Локальная размерность» (Ф. Гиренок), свойственная белорусской фольклористике, делала ее интересной для славистов, но в целом неконкурентоспособной даже в восточнославянском научном контексте, не говоря о западноевропейском. Упор на соби́рание и описание локально-регионального фольклора давал прекрасные результаты. В информационном обеспечении учебной и научно-исследовательской работы студентов хорошо известно значение аутентичных записей фольклора. Проблема в другом – в неразработанности теории и методологии фольклора, что сказывается на уровне преподавания фольклористики.

В XIX веке в науку вошли понятия «народная словесность», «народная поэзия». Это явилось прогрессивным актом. Тем самым в качестве творческого субъекта легализовался простой народ – носитель и хранитель высокохудожественных произведений, происхождение которых оставалось неизвестным. В советской фольклористике выражение «создатель фольклора – народ» превратилось в догму, за пределы которой было практически невозможно выйти в область теории фольклора. Предвоенные и послевоенные годы знаменательны ложным теоретическим «следом». Перед учеными была поставлена невыполнимая задача – доказать небывалый расцвет народного творчества в условиях социалистического строя. Это привело к искусственному разогреву самодеятельного творчества, которое представлялось как фольклорное, и попыткам внедрения псевдофольклора – идеологических лозунгов и плакатов, которые тут же объявлялись новым фольклором, возникшим, в частности, путем переработки старого. Например: от «Жить – богу служить» к «Жить Родине служить» и далее к «Жить – партии служить». Параллельно действовал запрет на изучение тех сфер фольклора, которые, по мнению «теоретиков», должны исчезнуть из быта колхозной деревни.

В конце XX века белорусская фольклористика получила шанс освоить новые научные направления, но не спешила им воспользоваться. Можно было бы ожидать, что расширение информационного пространства заставит ученых проявить интерес к самостоятельному решению важных теоретических проблем, не надеясь по традиции на получение готовых результатов от российских коллег. Это тем более необходимо делать, поскольку кризис идей затронул и российскую науку. Председатель оргкомитета Всероссийского конгресса фольклористов А. С. Каргин говорил о непростой ситуации, сложившейся к началу XXI века в исследовании фольклора и традиционной культуры в целом, о неготовности фольклористов к адекватному восприятию глобальных трансформаций, об отсутствии общей научно-теоретической и историко-методологической концепции исследований.

В особо критической ситуации оказалась филологическая фольклористика, ее все чаще стали упрекать в неспособности изучать фольклор как синтетический вид искусства, забывая сказать, что этим страдают и другие науки, к примеру, этнология и этномузыковедение, не касающиеся поэтики фольклорного текста и не умеющие это делать. На наш взгляд, выход из кризисной ситуации состоит в развитии интегративной фольклористики и внимательном изучении новейших литературоведческих работ.

Генетической чертой фольклористики является синергия. До конца XIX века будущая наука латентно присутствовала в составе мифологии, этнографии,

истории литературы. Без фольклорных материалов были невозможны мифологические исследования, реконструкции, полноценные описания народного быта. В трудах А. Н. Веселовского фольклор стал базой для разработки теории исторической поэтики.

Согласно нашей концепции, ядром интегративной фольклористики должна быть именно филологическая фольклористика с такими междисциплинарными областями, как этнофольклористика, мифофольклористика, социофольклористика, психофольклористика, геофольклористика, клиофольклористика, лингвофольклористика и особо значимая для филологов эстофольклористика. Цель эстофольклористики – изучение истории и теории фольклорно-литературных связей. На протяжении многих лет усилия ученых в основном направлялись на выявление и изучение идейно-художественной функции фольклорных элементов в творчестве конкретного писателя или отдельного произведения, но не на осмысление теории литературного фольклоризма. Незаработанность его типологии толкала к недосказанности. В свое время прорывом в области исследования мифофольклоризма явилась книга В. А. Коваленко «Міфа-паэтычныя матывы ў беларускай літаратуры» (1981). Ученый тонко чувствовал разницу между художественным методом А. Борщевского, В. Дунина-Мартинкевича и Ф. Богушевича. Сходство трех авторов виделось В. А. Коваленко в том, что в их творчестве «граніца паміж рамантычным, казачным і рэальным вельмі выразная» (с. 137). Ожидалось, что ученый очертит типы (мифо)фольклоризма писателей, но этого не произошло. Причина легко объяснима: проблему типологии фольклоризма теоретики литературы вообще игнорировали, понятийно-терминологический аппарат не разрабатывался. Та же самая картина наблюдалась в фольклористике.

Необходимость расширительного подхода к фольклористике и ее проблемам диктовалось для нас, преподавателей БГУ, прежде всего учебными задачами, новым образовательным стандартом и типовым планом подготовки филологов. Результатом явилось учебно-методическое пособие «Интегративная фольклористика» (2017), где в разделе «Эстофольклористика» есть параграф «Типология фольклоризма» [3, с. 114–122]. Девиз пособия, обращенного к нынешним студентам, – все интересное происходит на границах явлений и наук.

В свете задачи информационного обеспечения курса «Фольклористика» велико значение справочных и энциклопедических изданий. К сожалению, выпадение вопросов теории и научной методологии из поля зрения белорусских ученых, расшатанность понятийно-терминологического аппарата сказались при подготовке энциклопедии «Беларускі фальклор» (2005–2006), что далеко не лучшим образом отозвалось в реферативных, курсовых, дипломных и магистерских работах студентов. Когда термины становятся расплывчатыми, а понятийный аппарат засоряется, тогда затруднителен научный диалог. Например, многозначным стал термин «архетип»: под ним понимается и обобщенный образ, и символ, и знак. Конечно, его расширительное понимание началось не здесь, не сейчас, не у нас, а раньше, но ведь ничто не мешает конвенционально подойти к его однозначному истолкованию.

История свидетельствует, что своими подвижками фольклористика обязана литературоведению и философии. Опираясь на мысли Р. Барта о литературе, можно сделать вывод: фольклор, как и литература, проходит по двум ведомствам – истории и психологии в той мере, в какой фольклор является искусством [2, с. 211]. Следовательно, вопрос должен стоять так: что сообщает фольклор о своей эпохе и что сообщает о фольклорном «авторе». Но если теория литературы находится в движении и проблема автора является для нее актуальной, то теория фольклора как будто застыла на месте. Мало того, российский фольклорист В. П. Аникин с удовлетворением констатировал:

«Сейчас настал момент, когда следует обратиться к освещению вопроса о соотношении традиционности с «авторством». Традиция в фольклоре исключает авторство. Мысль об этом с большим трудом пробила себе дорогу в науке о фольклоре, хотя сегодня говорить об этом много легче, чем три-четыре десятилетия тому назад» [1, с. 42]. Сам автор «Теории фольклора» (2004) пользуется теми же паллиативами «творец фольклора», «создатель фольклора», какими 20–60 лет назад пользовались авторы вузовских учебников по русскому фольклору, относя к создателям исключительно трудовые массы народа. Они рассматривались как исторически конкретный и социально маркированный коллективный создатель фольклора. Та же самая идея присутствует в белорусских учебниках: «Фальклор – адзін з важных сродкаў самавыяўлення народа, сваім паходжаннем... непарыўна звязаны з ім». И хотя отмечается, что «у пасляваенныя гады значнае развіццё атрымала тэарэтычнае беларускага фальклору», конкретных исследований, подтверждающих разработку проблем теории фольклора, не приводится. До сих пор у белорусов нет учебного пособия по теории фольклора. Справедливости ради заметим, что пособие В. П. Аникина пока что единственное в своем роде.

Понятие «фольклорный автор» – теоретический конструкт, необходимый для разработки общего критерия различения авторов в системе словесного искусства. Студент должен понимать, что оно не совпадает с понятием «народ» или «широкие трудящиеся массы»: фольклорный «автор» является воплощением того меньшинства, которое по своей эстетической целостности, развитости, энергичности превосходит большинство, но разговаривает с ним на общем культурном языке – языке этнической психологии и ментальности. Данный автор – стержневой агент устно-поэтического творчества в его архаичных, предтрадиционных, традиционных (национально отмеченных) и посттрадиционных (новейших) формах. Он – типология, выдающая себя за множественность, этнопсихология, заявляющая о себе в виде художественного жеста – имажинативной реальности, ведущей самостоятельное эстетическое существование. Следует осознавать, что фольклорный «автор» соотносим скорее с единично-множественным суперсубъектом, действующим сообразно целостной художественной программе и нравственной установке, нежели с коллективом или группой. Фольклорный «автор» перешагивает границы каких бы то ни было частных коллективов, создавая область общезначимых смыслов и образов. Феноменологически он не может ограничиваться рамками отдельной, исторически доминирующей среды (например, крестьянской). Если рассматривать фольклорного «автора» в режиме социофольклористики, он предстанет в совокупности отдельных социотипов. Каждый из них будет обладать своим ракурсом видения реальности, своей картиной мира, своим творческим ресурсом, своим стилевым багажом, но это уже интегративный уровень исследования. Введение понятия «фольклорный автор» важно для раскрепощения научного мышления современных студентов, «они должны твердо уяснить, что законы фольклорного творчества универсальны. Закон непрерывности фольклорного творчества доказал свою жизненность в информационную эпоху, когда фольклор на наших глазах освоил интернет-пространство и можно говорить о появлении особого типа фольклорного «автора».

Литература

1. Аникин, В. П. Теория фольклора. Курс лекций / В. П. Аникин. – М. : КДУ, 2004. – 432 с.
2. Барт, Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика : Пер. с фр. / Сост., общ. ред. и вступ. ст. Г. К. Косикова / Р. Барт. – М. : Издательская группа «Прогресс», «Универс», 1994. – 616 с.
3. Ковалева, Р. М. Интегративная фольклористика: учеб.-метод. пособие / Р. М. Ковалева, О. В. Приемко. – Минск : БГУ, 2017. – 239 с.